

ЧУДО
МЕЛКИМ
ШРИФТОМ

A movie poster featuring a woman in a white blazer and a man in a dark suit standing in front of a futuristic city skyline at night. The woman is holding a black folder. The city is illuminated with vibrant blue and purple lights, and a small flying car is visible in the sky. The title is written in large, stylized, pinkish-white letters at the top.

ЯНА АВЕРЬЯНОВА

Ян Аверьянов

Чудо мелким шрифтом

<https://litres.ru/74366218>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где сверхспособности можно купить, они давно стали обычным бизнесом.

Мира работает с теми, кто пожалел о своём выборе и хочет избавиться от полученной силы. Но однажды ей попадаетея случай, который не укладывается ни в один договор и заставляет усомниться в том, как на самом деле устроен рынок способностей.

А ещё рядом появляется человек, которому она совсем не собиравась доверять.

«Чудо мелким шрифтом» – фантастическая история о цене желаний, опасных секретах и людях, которые слишком поздно начинают читать условия договора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ян Аверьянов

Чудо мелким шрифтом

Глава 1

– Он меня презирает.

Мира подняла глаза от заявления.

Женщина напротив сидела прямо, обеими руками сжимая ремешок сумки. На вид ей было лет сорок пять, на самом деле – пятьдесят восемь, если верить карточке клиента. В графе «тип индивидуальной модификации» значилось: межвидовая семантическая интерпретация, бытовая категория Б-3. Цена процедуры – сорок две тысячи крон. Статус кредита – погашен досрочно.

В графе «предмет претензии» женщина написала крупными буквами: «НЕВОЗМОЖНО СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ».

– Кто? – спросила Мира, хотя уже знала ответ.

– Берт.

– Ваш муж?

– Кот.

Мира посмотрела на строку «семейное положение»: разведена.

– Хорошо. Что именно произошло с Бертом?

– Ничего с ним не произошло. Вот в этом и проблема. Это всё он. Всегда был он.

Женщина наклонилась к столу.

– Вы понимаете, я прожила с ним девять лет. Девять. Я думала, он меня любит. Он спал у меня на груди, когда я болела. Встречал у двери. Орал, если я задерживалась. Я ради него отказалась от поездки в Кандер, потому что он плохо переносит гостиницы для животных. А теперь я знаю, что он всё это время называл меня «большой тёплой дурой».

Слева от Миры кашлянула стажёрка. Мира не повернула головы.

– Это дословный перевод?

– Управление сертифицировало мою способность. Я понимаю намерение, эмоциональную окраску и смысл. Хотите ещё? Когда он садится ко мне на колени, он думает: «Уступи место, тёплая». Когда я открываю ему банку за четыре кроны, он говорит: «Наконец-то персонал разобрался». А вчера, – женщина задышала чаще, – вчера я спросила, скучает ли он, когда меня нет. Он ответил: «В доме тише».

Стажёрка сделала вид, что записывает что-то в блокнот.

Мира открыла договор.

– Госпожа Вайсен, ваша модификация работает в пределах заявленной спецификации. Вы понимаете смысл звуковых и поведенческих сигналов животных, с которыми находитесь в непосредственном контакте. Претензия касается содержания получаемой информации, а оно не регулируется

УИС.

– Вы хотите сказать, что я заплатила сорок две тысячи, чтобы узнать, что мой кот – сволочь?

– Я хочу сказать, что его характер не является техническим дефектом процедуры.

– Прекрасно. Тогда я хочу вернуть способность.

– Это невозможно.

– Я знаю, что написано в договоре.

– Тогда вы знаете и про необратимость.

– Я хочу услышать это от живого человека.

Мира закрыла папку.

– Вернуть способность нельзя.

Женщина кивнула, будто Мира подтвердила диагноз.

– А реверс?

– Что с ним?

– В договоре сказано, что компенсационная реакция может проявиться в течение девяноста дней. Прошло два месяца. Пока ничего.

Мира перелистнула страницу с медицинской отметкой.

– Возможно, реакция слабая.

– Берт начал смотреть на меня странно.

– Коты часто так смотрят.

– Нет. Именно после процедуры. Иногда я думаю что-нибудь, а он отвечает.

Мира перестала листать.

– В каком смысле отвечает?

– В прямом. Сегодня утром я подумала: «Надо купить туалетную бумагу». Он из коридора сказал: «И корм. Не забудь корм».

Стажёрка всё-таки подняла голову.

– Госпожа Вайсен, – медленно произнесла Мира, – вы проходили контрольную диагностику после активации?

– Я записана на четверг. Вы ведь не хотите сказать, что он слышит мои мысли?

– Я пока ничего не хочу сказать.

– А если слышит?

Мира посмотрела на неё. Госпожа Вайсен побледнела ещё до ответа.

– Тогда до четверга постарайтесь не думать при нём ничего такого, что может осложнить ваши отношения.

– Мы вчера были у ветеринара.

– И?

– Я думала о кастрации.

Из коридора донёсся электронный голос: «Талон А-118, окно семь».

Женщина медленно встала.

– Он сегодня не вышел из шкафа.

– Возможно, совпадение.

– Вы сами в это верите?

Мира взяла печать.

– Я работаю в отделе претензий, госпожа Вайсен. Здесь очень быстро проходит привычка верить в совпадения.

Она поставила на заявлении отметку «на дополнительную диагностику» и протянула лист женщине.

Когда дверь закрылась, стажёрка продержалась четыре секунды.

– Тёплая дура?

– Если засмеёшься при клиенте, пойдёшь объяснять человеку с пирокinezом, почему страховка не покрывает кухонные занавески.

– Я не смеюсь.

– У тебя плечи трясутся.

– Я сочувствую.

– Конечно.

Мира открыла следующую карточку. В очереди было ещё двенадцать человек: мужчина, который после покупки абсолютного чувства направления потерял способность пользоваться картами; девушка с голосом, способным успокаивать панические атаки, но вызывающим икоту у неё самой; семейная пара с совместной жалобой на одну и ту же модификацию, хотя по закону делиться способностью было нельзя.

Обычный вторник.

На стекле окна висела реклама нового государственного кредита:

«ВАША ВОЗМОЖНОСТЬ НЕ ДОЛЖНА ЖДАТЬ. СТАВКА ОТ 3,9 %. ОДНА ЖИЗНЬ – ОДИН ДАР».

Мира терпеть не могла последнюю строчку. Маркетологи считали её вдохновляющей. Ей она всегда слышалась угро-

зой.

К обеду она отказала в возврате денег четырём людям, отправила троих на медицинскую комиссию и один раз позволила в службу внутренней безопасности, когда посетитель заявил, что способность воспламенять бумагу – это «вопрос принципа» и положил ладонь на стопку бланков.

Самым долгим оказался мужчина по фамилии Раль, купивший абсолютное чувство направления. Его карточка выглядела идеально: способность определяла стороны света, кратчайший путь и собственное положение с точностью до нескольких сантиметров. Реверс обнаружился через неделю – любой искусственно нарисованный маршрут вызывал у него физическую тошноту.

– Я работаю курьером, – сказал он.

– До процедуры?

– И после. Я для работы и брал.

– Вам больше не нужен навигатор.

– Мне нужен список адресов. Приложение рисует линию.

От линии меня тошнит.

– Отключите визуальный маршрут.

– Тогда оно сортирует остановки автоматически. А моя способность считает порядок неправильным и меня тянет идти по своему кратчайшему пути.

– Разве это плохо?

– Если везёшь одну посылку – нет. Если сорок, мой кратчайший путь не совпадает с маршрутом склада. Я вчера при-

ехал к клиенту раньше, чем посылку загрузили в машину.

Мира открыла раздел трудовой адаптации.

– Есть программа перенастройки рабочего интерфейса.

– За мой счёт?

– Частично субсидируется.

– Я заплатил двадцать девять тысяч, чтобы государство теперь субсидировало мне список без стрелочек?

– Если сформулировать так, звучит плохо.

– А как сформулировать хорошо?

Мира задумалась.

– Я работаю в претензиях, господин Раль. Хорошие формулировки этажом выше.

Он фыркнул и всё-таки подписал заявку на адаптацию.

Следующей пришла семейная пара. Муж держал жену за руку так крепко, что Мира сначала решила: поддерживает. Потом выяснилось, что они боятся отпустить друг друга.

Женщина купила способность мгновенно охлаждать любой небольшой предмет прикосновением. Для работы кондитером: крем, шоколад, украшения, формы. Реверс был терпимым – после каждой активации её собственная ладонь нагревалась. Проблема появилась через месяц, когда муж случайно обнаружил, что при касании способен забирать этот избыток тепла себе.

– Это заимствование? – спросил он.

– Если вы сознательно используете компенсационную реакцию супруги для получения эффекта – возможно.

– Какого эффекта? Я просто держу жену за руку.

– У вас становится теплее.

– Я всегда становлюсь теплее, когда держу жену за руку.
Женщина закрыла лицо ладонью.

– Я говорила, не шути здесь.

– Я не шучу. Это романтика.

Мира позвала специалиста по лицензированию. Тот пятнадцать минут выяснял, считается ли передача избытка температуры «использованием модификационного продукта третьим лицом». В конце выдал временное заключение: супругам разрешено держаться за руки в бытовых целях, но запрещено использовать эффект для обогрева помещений, приготовления еды и коммерческих услуг.

– То есть спать вместе можно? – спросил мужчина.

– Да.

– А если зимой?

Специалист посмотрел на Миру.

Мира посмотрела на часы.

– Только не выставляйте счёт за отопление.

После их ухода стажёрка сказала:

– Я думала, суперспособности должны делать жизнь проще.

– Делают.

– Это была ирония?

– Нет. Раньше у них была просто семейная проблема. Теперь семейная проблема юридически классифицирована.

В два часа пришло сообщение от Тео.

Точнее, старое сообщение оказалось наверху списка, потому что Мира открыла их переписку.

«Ты сегодня ешь как человек или опять кофе считается супом?»

Он отправил его вчера вечером. Она ответила фотографией бутерброда и словом «овощи», хотя на фото овощей не было.

С тех пор – ничего.

Это не было странным. Тео мог исчезнуть на сутки, особенно когда работал с тендерной документацией. Он называл свою должность «профессиональный свидетель чужого вранья», хотя официальное название занимало почти две строки.

Мира написала:

«Ты жив?»

Через полчаса сообщение осталось непрочитанным.

В половине четвёртого ей позвонила мать.

– Ты Тео видела?

– В воскресенье.

– Он обещал приехать за коробками.

– Мам, ему двадцать семь. Если человек не приехал за коробками, это ещё не пропаша.

– Я звонила ему восемь раз.

– Поэтому он и не берёт.

– Очень смешно.

Мира потеряла переносицу.

– Я напишу ему.

– Напиши, чтобы перезвонил мне.

– Хорошо.

– И ты сама мне перезвони.

– Если он перезвонит тебе, зачем мне...

– Мира.

– Ладно.

В пять часов она вышла из здания УИС через служебный вход. Было душно, хотя сентябрь уже перевалил за середину. На площади напротив управления подростки фотографировались возле бронзовой скульптуры первой официально модифицированной гражданки Эйдоры. Скульптор изобразил её с вытянутой рукой, словно она собиралась либо поднять страну в будущее, либо поймать автобус.

Мира достала телефон.

У Тео по-прежнему не было отметки о прочтении.

Она позвонила.

«Абонент временно недоступен».

На парковке её ждал мужчина в сером пиджаке. Лет сорок, короткие волосы, слишком официальный вид для человека, который просто оказался рядом со служебным выходом.

– Мира Рен?

– Да.

Он показал удостоверение.

Государственное бюро контроля модификаций.

Мира посмотрела на фотографию, имя, голограмму, потом снова на его лицо.

– Что случилось?

– Мне нужно задать вам несколько вопросов о вашем брате.

– Тео что-то сделал?

Мужчина убрал удостоверение.

– На данный момент мы не знаем, где он.

Мира ещё секунду держала телефон у лица, хотя вызов уже закончился.

– Что значит «не знаем»?

– Он исчез сегодня ночью.

Глава 2

Мужчину звали инспектор Лорн. Он отказался разговаривать на парковке, поэтому они вернулись в здание, где Мира провела последние восемь лет и сама почувствовала себя посетителем.

Комната для служебных бесед находилась на третьем этаже. Без окон, с овальным столом и графином воды, который, по мнению Миры, не меняли примерно с момента основания республики.

Лорн сел напротив. Второй инспектор, женщина по имени Сив Келлан, устроилась сбоку и открыла планшет.

– Когда вы в последний раз лично видели брата?

– В воскресенье вечером.

– Где?

– У него дома.

– Повод встречи?

– Ужин. Нужно было официально зарегистрировать?

Келлан подняла глаза.

Лорн не отреагировал.

– О чём разговаривали?

– О матери, о моей работе, о том, что он опять купил ужасный сыр и выдавал его за дорогой. Потом он жаловался на соседей.

– На работу?

– Немного.

– Что именно он сказал?

Мира попыталась вспомнить. Тео действительно говорил о работе. Он всегда говорил о ней кусками: имена не называл, детали контрактов не обсуждал. С его способностью это было особенно неудобно. Чем ближе вопрос подходил к тому, что он считал существенным, тем сильнее садился голос. Поэтому Тео научился виртуозно отвечать так, чтобы не лгать и не заходить туда, куда нельзя.

– Сказал, что у него накопилось слишком много «статистических чудес».

Келлан перестала печатать.

– Это точная формулировка?

– Почти.

– Что он имел в виду?

– Не объяснил.

– Вы не спросили?

– Спросила. Он сказал, что я всё равно назову это профессиональной паранойей.

Лорн положил ладони на стол.

– У вашего брата были контакты за пределами Эйдоры?

– У всех есть контакты за пределами Эйдоры. Мы не остров.

– Иностранные граждане, с которыми он общался регулярно.

– Друзья, коллеги, люди из сети. Я не веду список.

– Последние месяцы он бывал в Керне?

– Насколько я знаю, нет.

– В Ластере?

– Нет.

– В Севальде?

– Я сказала, что не знаю его перемещения по странам.

Лорн кивнул, будто её раздражение тоже входило в анкету.

– Госпожа Рен, ваш брат подозревается в нарушении статьи 81 Закона о национальной модификационной безопасности.

Мира знала номер статьи.

Она несколько секунд надеялась, что ошиблась.

– Экспорт способности?

– Да.

– Каким образом Тео мог экспортировать свою способность? Он не может её вынуть и положить в чемодан.

– Термин включает применение модификации в интересах иностранного лица или организации, передачу закрытых сведений, полученных посредством модификации, содействие нелегальной процедуре и ряд других действий.

– Я знаю определение.

– Тогда понимаете серьёзность обвинения.

– Я понимаю, что вы пока ничего конкретного не сказали.

Келлан положила планшет на стол.

– Ваш брат имел доступ к государственным контрактам по закупкам оборудования для УИС. Вчера в 23:47 его учётная

запись использовалась для обращения к закрытому разделу реестра. В 00:16 он покинул своё место жительства. После этого его местонахождение неизвестно.

– Откуда вы знаете, когда он вышел?

– Камеры подъезда.

– Он был один?

Короткая пауза.

– Мы не можем раскрывать детали текущего расследования.

Мира посмотрела на Лорна.

– Он был один?

– Госпожа Рен...

– Вы пришли ко мне спрашивать, с кем он пил кофе три месяца назад, но я не могу узнать, увели ли моего брата из квартиры?

Келлан потянулась к графину.

Лорн произнёс:

– На записи он покидает дом самостоятельно.

– Вот. Это уже информация. Спасибо.

– После полуночи он дважды использовал удостоверение личности. Один раз на подземной станции «Арк», второй – на терминале междугородного транспорта.

– Значит, вы знаете, куда он поехал.

– Билет не покупался.

– Тогда зачем удостоверение?

– Именно это мы выясняем.

Мира прищурилась.

Что-то не складывалось. Не крупная деталь. Скорее поря-
док слов.

– Вы сказали, что он использовал удостоверение.

– Да.

– А не что система зарегистрировала его удостоверение.

Лорн наконец посмотрел на Келлан.

– Это принципиально?

– Для человека, который восемь лет читает претензии, –
да. Если на камере видно, что Тео приложил карту к тур-
никету, вы говорите «использовал». Если система просто за-
фиксировала идентификатор, вы обычно говорите «зарегис-
трирован проход».

Лорн слегка откинулся на спинку стула.

– Вы часто участвуете в расследованиях?

– Нет. Я часто объясняю людям, почему слова в документе
означают именно то, что означают.

– У нас нет оснований считать, что удостоверением вос-
пользовался другой человек.

– Но камеры этого не подтверждают.

Он не ответил.

Мира почувствовала неприятную сухость во рту.

– Тео жив?

– У нас нет сведений о причинении ему вреда.

– Это не тот вопрос.

– Другого ответа у меня нет.

Келлан пододвинула к Мире лист.

– Нам понадобится письменное согласие на осмотр ваших сообщений с братом за последние тридцать дней.

– Нет.

– Это может помочь его найти.

– Тогда получите постановление.

– Вы ведь хотите сотрудничать?

– Очень. Поэтому предпочитаю, чтобы вы соблюдали процедуру, а не пытались получить у испуганного родственника доступ ко всему телефону красивой фразой про помощь.

Лорн усмехнулся. Почти незаметно.

– Тео говорил, что вы такая?

– Какая?

– Буквальная.

– Тео много чего говорил.

– Например?

Мира посмотрела на него.

– Вы сейчас проводите допрос или пытаетесь выяснить, нравитесь ли вы моему брату?

Келлан всё-таки налила себе воды.

На этом разговор закончился быстрее. Миру попросили не покидать столицу без уведомления, сообщать о любом контакте с Тео и не пытаться самостоятельно вмешиваться в расследование.

Последняя просьба особенно раздражала.

У выхода Лорн остановил её.

– Госпожа Рен.

– Что?

– Если брат позвонит, не предупреждайте его о наших действиях.

– Если брат позвонит, я сначала спрошу, какого чёрта он устроил.

– А потом?

– Потом решу.

Лорн сунул руки в карманы.

– Его способность делает определённые разговоры неудобными. Вы это знаете.

– Конечно.

– Он когда-нибудь пытался скрыть от вас что-то важное?

Мира вспомнила воскресенье. Тео на кухне, тарелка с тем самым отвратительным сыром, бутылка воды, которую он крутил пальцами. Она спрашивает: «Ты опять лезешь куда не надо?» Он отвечает: «Я сижу дома и ем сыр». Голос обычный. Чистый.

Потом Мира спросила: «Тебе что-нибудь угрожает?»

Он засмеялся и сказал: «Мне угрожает только твоя привычка приходить без десерта».

Тоже обычным голосом.

Тогда она не придавала этому значения.

Теперь вспомнила точную формулировку своего вопроса.

Не «ты в опасности?».

«Тебе что-нибудь угрожает?»

Тео мог считать, что угрожает не ему.

Он мог считать, что опасность касается кого-то другого.

– Госпожа Рен?

Мира взглянула на Лорна.

– Нет, – сказала она. – Никогда.

И ушла, прекрасно понимая, что только что солгала государственному инспектору.

На первом этаже телевизор в зоне ожидания показывал вечерние новости. Ведущая говорила о парламентских слушаниях по коммерческим лицензиям. Под строкой с курсами валют внезапно появилась красная плашка.

«Сотрудник государственного контрактного отдела подготавливается в экспорте национальной модификационной технологии».

Потом на экране возникла фотография Тео.

Та самая, которую он ненавидел: паспортная, с криво лежащими волосами.

Мира остановилась.

– ...по сведениям Бюро контроля, двадцатисемилетний Тео Рен может обладать информацией, представляющей угрозу национальной безопасности. Граждан просят не оказывать ему содействия и сообщать...

У стойки регистрации кто-то негромко сказал:

– Ого.

Мира достала телефон.

На нём было новое сообщение с неизвестного номера.

Всего четыре слова:

«Не верь времени выхода».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.